

Ван Лолань

**КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА
«КРАСНАЯ ДЕВИЦА» В СВАДЕБНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПИНЕЖЬЯ**

Аннотация. Рассматривается коннотативное значение фразеологизма «красная девица» в вербальном коде свадебных обрядов Пинежья на материале 70 свадебных причитаний, 51 свадебной песни, собранных в фольклорных экспедициях МГУ в Пинежском районе Архангельской области в 1970–1972 годы.

Ключевые слова: фразеологизм «красная девица», свадебный фольклор Пинежья, обрядовая поэзия Пинежья, коннотативное значение, смена социального статуса.

Wang Luolan

**CONNOTATIVE MEANING OF PHRASEOLOGY “RED GIRL”
IN THE WEDDING FOLKLORE OF PINEZHIE**

Abstract. The connotative meaning of the phraseology “red maiden” in the verbal code of the Pinezhye wedding ceremonies is considered on the material of 70 wedding lamentations, 51 wedding songs collected in folklore expeditions of the Moscow State University to the Pinezhsky district of the Arkhangelsk region in 1970–1972.

Keywords: phraseological unit “red maiden”, wedding folklore of Pinezhye, ritual poetry of Pinezhye, connotative meaning, change of social status

Красная девица – типичный персонаж народных песен, встречающийся в различных жанрах народного творчества. Фразеологизм «красная девица» зафиксирован в словарях и глубоко запечатлен в памяти носителей русской культуры. Однако научных исследований, посвященных анализу его прагматической функции и семантики в конкретном фольклорном жанре, немного.

Согласно имеющимся у нас литературным источникам, фразеологизм «красная девица» часто изучается в двух основных направлениях: исследование с позиции фольклорной фразеологии и сопоставительный анализ семантики фразеологизмов «красная девица» и «добрый молодец» в фольклорной картине мира. Ю.А. Шуплецова защитила кандидатскую диссертацию

на тему «Фразеологические единицы в песенном фольклоре Курганской области: структурно-семантический и лингвокультурологические аспекты», в которой представлены фразеологические единицы субкатегории лица. В частности, фразеологизм «красная девица» рассматривается как идеальный образ женщины в физическом и нравственном отношениях [13, с. 16]. В одной из статей автор описала основную семантику этого фразеологизма и детально проанализировала типы его варьирования в песенном фольклоре Зауралья [14].

«Красная девица» и «добрый молодец» – постоянные спутники в народном творчестве. О.П. Лопутько всмотрелась в этимологию устойчивых выражений «добрый молодец» и «красна девица»

Ван Лолань

аспирант, кафедра истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: прикладная лингвистика, лингвофольклористика, прагматика свадебного фольклора. Автор 1 опубликованной научной работы.

Электронный адрес: wluolan@qq.com

и указала, что в первоначальных значениях определений «красная» и «добрый» заключается сема достижения человеком определенной зрелости, позволяющей ему вступать в брак и участвовать в продолжении рода [7, с. 95]. На основе анализа вопросной части загадки Т.С. Шадрина рассмотрела традиционные представления народа о женской красоте, понимание которой меняется в зависимости от возраста и социального статуса женщины [12]. Так, идеальные качества и ожидаемое обществом поведение девочки-подростка, просватанной девушки или замужней женщины, разумеется, различаются. Кроме того, автор выявила существенные гендерные различия в отношении жизненного пространства и уклада жизни в традиционном народном сознании [12].

В современной филологической области возрос интерес к междисциплинарным исследованиям языковых явлений. Данное исследование посвящено изучению языковых единиц в их тесной связи с экстралингвистическими факторами, например функциональной целенаправленностью речевых жанров, обстановкой речевого акта и статусом коммуникантов.

Свадебный фольклор в сопровождении свадебных обрядов имеет способность и полномочие осуществлять трансформацию социального статуса иницируемых (новобрачных) и заинтересованных участников свадьбы (в основном близких родственников новобрачных). Итак, фра-

зеологизм «красная девица» в свадебном фольклоре как его составляющая часть заряжается основной прагматической ориентацией целого высказывания и непосредственно связан со сменой социального статуса невесты.

Как отмечает Л.И. Ларина, лексика в свадебном фольклоре отличается повышенной информативностью, так как на основное денотативное значение накладывается еще обрядовая семантика [6]. Свадебный фольклор представляет собой своего рода импровизацию с определенными шаблонами, заданными традицией. Высокая частотность фразеологизма «красная девица» в свадебном фольклоре дает нам представление о том, что он неслучайно выбран из словарного фонда народного языка и связан с речевой стратегией свадебного фольклора.

В свадебном фольклоре Пинежья (песнях и причитаниях) встречаются многообразные вариантные формы фразеологизма «красная девица» [8, с. 29–127]. Но именно в таком варианте он закреплен в многочисленных словарях и научных исследованиях, поэтому мы выбираем его в качестве представителя данного лексического ряда.

В свадебном фольклоре Пинежья используются его следующие вариантные формы: *красная девушка, красная девица, красна девка в высоком тереме; красна девушка, красна девица, краса девица, добрая девушка; девушка, девица, девка; девица-душа красна, душа да красная девушка, душа*

Коннотативное значение фразеологизма «красная девица» в свадебном фольклоре Пинежья

красна да девица, девица да душа красная, девицы души красное.

Следует отметить, что в свадебном фольклоре фразеологизм «красная девица» и его варианты имеют двойные референты, обозначая либо невесту, либо ее подруг. В свадебных песнях фразеологизм «красная девица» однозначен, принадлежит к невесте, а в свадебных причитаниях двухзначен: он используется невестой как автореферентная номинация к себе и в качестве обращения к подругам, соседям и сестрам. Такое различие обусловлено спецификой и функциональной целенаправленностью этих двух жанров свадебного фольклора. Прежде всего мы обращаемся к словарным толкованиям данного фразеологизма.

В «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» красная девица – «это незамужняя девушка, чья-то возлюбленная, дочь родителей, сестра. Она – предмет чьих-то домогательств, преследования, ее угнетают, заставляют делать выбор против воли», и «в большинстве случаев ей отданы симпатии и сочувствие» [9, с. 272]. Здесь «грамматически согласованный компонент “красная”, являясь цветовым эпитетом, не обозначает цвет, восходя к первичному значению *красивый, прекрасный*, но помимо этого в данном сочетании включает еще ряд смыслов, связанный с понятиями добра, высоких нравственных качеств, совершенства и т.д.» [14, с. 158].

В «Словаре русского языка XVIII века» девица: «1. Молодая незамужняя женщина. С прибавлением имени. Незамужняя женщина высших сословий либо актриса. 2. Фрейлина, девушка-придворная» [10, с. 65].

Исходя из словарных истолкований, устойчивый оборот «красная девица», как правило, обозначает незамужнюю молодую девушку, ту, кто обладает высокими

нравственными качествами (невинностью, послушанием, добротой и так далее). Как уже сказано выше, этимология эпитета «красная» содержит еще идею физического расцвета человека, достижения им определенной зрелости. Отсюда следует, что в народной традиционной культуре фразеологизм «красная девица» в определенной степени связан с брачно-семейными отношениями человека.

Так, неслучайно имеется различие в наименовании невесты и других девушек в свадебных песнях. Устойчивое выражение «красная девица» традиционно употребляется для обозначения невесты, а для других молодых женских персонажей обычно используют реляционные слова, обозначающие их социальные отношения с невестой, например «подруженька», «сестрица», «соседушка» и др.

Кроме того, в автореферентных номинациях демонстрируется явное различие между невестой и ее подругами: подружки невесты или певицы называют себя не красными девицами в свадебных песнях, а певицами, подружечками (*Да обманула да нас, подружечек* [8, с. 45]; *Да нас пожаловать, да нас пожаловать. Нас ведь, певиц, нас ведь, певиц* [8, с. 65]). В то же время невеста часто называет себя красной девушкой/девицей в причитаниях:

*Уж ты родима моя да подружечка,
Уж ты Татьяна да Ивановна,
Уж и дойти-тко да доступи-тко
Уж и до меня-то, до красной девушки,
Уж и сними с головы да повязочку,
Уж и бисерну да присадочную* [8, с. 60].

Нам кажется, что четкое разграничение невесты и других молодых девушек в отношении наименования объясняется стремлением выделить невесту среди потенциальных соперников, возвеличить ее совершенство. Таким образом подчеркнута центральная фигура свадебного обряда –

невеста, которая обладает совершенной женской красотой (внешней привлекательностью, высокой духовной красотой, физической и психологической подготовленностью к замужеству и рождению детей), является единственной достойной супругой для жениха в свадебных обрядовых ситуациях.

Более того, по словам С.Б. Адоньевой, «совместное говорение имеет специфический социальный статус – статус перформативного акта, – высказывания, являющегося исполнением определенного действия» [2]. На основании анализа севернорусских причитаний Б.Б. Ефименкова также указывает особенную перлокуцию многоголосных голошений в отличие от индивидуальных. Ученый разделяет русские северные свадебные причитания на два вида: индивидуальное причитание невесты и групповое причитание девушек или группы воплениц. Первый вид ученый считает «формой выражения личного горя, индивидуального высказывания», второму дает название «причетная песня в свадебном обряде» и говорит о нем как об отражении «позиции общины, мира, а в их лице – незыблемости каких-то коллективных начал, подчиняющих отдельную личность уготованному ходу вещей» [4, с. 13].

Согласно словам ученых, свадебные песни, исполненные хором, приобретают статус совместного говорения. Причем публичное исполнение песен в свадебных обрядах находится под контролем носителей фольклорной традиции. Итак, их пропозициональное содержание отождествляется с коллективной волей. Исполнение свадебных песен в соответствии с правилами наделяет хор легитимным статусом для управления общественной жизнью, то есть для подчинения отдельной личности уготованному ходу вещей. Точнее, санк-

ционирования заключения брачного союза и ратифицирования смены социальных статусов новобрачных и групп заинтересованных людей во время свадьбы.

Основная функция свадебных причитаний, как отмечает Т.И. Калужникова, заключается в маркировании начальных этапов смены социального статуса невесты и непосредственно связана с «утратой ею исходной социальной позиции и изменением прежнего набора стереотипов поведения» [5, с. 137]. Итак, исполнение свадебных причитаний можно рассматривать как начало смены социального статуса и перестройки социальных отношений для невесты.

Свадебный обряд часто отождествляется с обрядом инициации невесты. Общепринято мнение, что смена ее социального статуса выражается в двух направлениях: вертикальном переходе, подобном обряду инициации (из группы девушек в группу замужних женщин), и горизонтальном переходе (из своего рода/семьи в чужой род/семью). Что касается соотношения между вертикальным и горизонтальным переходами, мы считаем, что «первоначально девушку отнимали не у племени или семьи, а у группы ее сверстниц» [3, с. 116–117].

Эти большие изменения часто вводят невесту в состояние внутренней диссоциации. Другая важная функция свадебных причитаний состоит в психотерапии, поскольку они предоставляют невесте выход для негативных настроений и эмоций (например, страха, волнения, тоски) из-за радикальных изменений в жизни. Также они могут хорошо отражать внутреннее состояние невесты в предсвадебных периодах.

С.Б. Адоньева указывает, что «внутреннее, психологическое содержание совершавшегося во время предсвадебных причитаний события – диссоциации

Коннотативное значение фразеологизма «красная девица» в свадебном фольклоре Пинежья

с прежним “я”, осваивания нового голоса, нового “я” – реализовалось в специфическом риторическом построении свадебного причитания». [1, с. 252].

Внутренняя диссоциация, лиминальность социального статуса невесты хорошо продемонстрирована в свадебных причитаниях посредством использования фразеологизма «красная девица» и имен «девица»/«девушка».

В свадебных причитаниях невеста часто называет себя (автореферентная номинация) и своих молодых подружек девицами/девушками, красными девицами и так далее. Следовательно, фразеологизм «красная девица» часто употребляется в сочетании с личными местоимениями (я, вы). В контексте личные местоимения не только предназначены для осуществления референции, но и способны выражать взаимоотношения говорящего с адресатом. Как отмечает И.М. Советов, сфера говорящего и сфера собеседника четко выделяются через местоимения первого и второго лица [11, с. 125], первое лицо обычно «обозначает говорящего совместно с другим лицом (или с группой лиц), с которым говорящий считает себя связанным» [11, с. 126]. Следовательно, второе лицо указывает на отчуждение говорящего от обозначаемого человека. Невеста часто использует личное местоимение «вы», фразеологизм «красная девица» и имена «девица»/«девушка» в предложениях классифицирующей характеристики при обращении к своим подружкам:

*Уж вы девицы да красные девушки,
Уж любовны да подружечки,
Уж вы по лавочкам да по крупочкам,
Да рядочкам по скамеечкам,
Только одна я закручинилась
Уж среди пола дубового,
Уж стою я убиваюся, и стою—расшибаюся,*

*Горючими слезами да обливаются,
Золотой косой да утираются,
Белым платком да утираются...* [8, с. 41]

Как отмечает С.Б. Адоньева, «во время свадебного причитания невеста должна была присвоить себе новый голос, новую речь и через нее новую точку зрения и новый тип поведения» [1, с. 252]. В причитаниях невеста подчеркивает свою отчужденность от подружек, отмечает свою непохожесть на них (незамужних девушек) в девичьих украшениях и манере поведения, но все-таки продолжает называть себя девушкой. Это непосредственно связано с тем, что она находится в пограничном состоянии между миром девушек и миром замужних женщин и готова перешагнуть границу между статусами, войти в чужое социальное сообщество.

В свадебных песнях, заражаясь иллюктивной силой песен, фразеологизм «красная девица» становится речевым способом возвеличивания невесты и отграничения ее от остальных молодых девушек, выделяя ее центральное положение в свадебных обрядах. Тем самым он участвует в реализации перлокуции целого высказывания. В контексте свадебных причитаний приобретает другую коннотацию в зависимости от жанровой особенности текста. С помощью особой синтаксической конструкции и личных местоимений фразеологизм «красная девица» и имена «девица»/«девушка» хорошо демонстрируют пограничное состояние невесты, которая утратила прежний социальный статус (отчуждение от подружек), но пока не приобрела другой (автореферентные номинации – девушка/девица). В целом коннотативное значение фразеологизма «красная девица» в свадебном фольклоре обусловлено функциональной целенаправленностью текста и особым обрядовым контекстом.

Литература

1. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 312 с.
2. Адоньева С.Б. Фольклор в свете прагматики. URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/adonieva.php?rubr=Reader-lectures> (дата обращения 12.02.2022)
3. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
4. Ефименкова Б.Б. Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологод. Обл.). М.: Советский композитор, 1980. 392 с.
5. Калужникова Т.И. Прагматика свадебных причитаний среднего Урала // Традиционная культура. 2015. № 3(59). С. 135–148.
6. Ларина Л.И. Терминология свадебного обряда Курского региона в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1990. 19 с.
7. Лопутько О.П. «Добрый молодец» и «красна девица» // Русская речь. 2008. № 1. С. 93–96.
8. Обрядовая поэзия Пинежья: материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / Под ред. Н.И. Савушкиной. М.: Изд-во МГУ, 1980. 280 с.
9. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. / Под ред. Б.Ю. Иванова, С.Р. Малкина, Г.В. Якушева. М.: Владос, 2002. 720 с.
10. Словарь русского языка XVIII века / Ин-т лингв. исслед. РАН; Гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 1984. Вып. 6: Грызться – Древный. 257 с.
11. Советов И.М. Личные местоимения в текстообразовании // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 125–129.
12. Шадрин Т.С. «Красная девица в зеркало глядится» // Русская речь. 2014. № 4. С. 109–115.
13. Шуплецова Ю.А. Фразеологические единицы в песенном фольклоре Курганской области: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 23 с.
14. Шуплецова Ю.А. К особенностям варьирования фразеологизма «красная девица» в песенном фольклоре Зауралья // Система ценностей современного общества. 2009. № 5-1. С. 157–162.

References

1. Adon'eva S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 312 p. (In Russian).
2. Adon'eva S.B. *Fol'klor v svete pragmatiki* [Folklore in the light of pragmatics]. URL: <http://folk.spbu.ru/Reader/adonieva.php?rubr=Reader-lectures> (accessed: 12.02.2022). (In Russian).
3. Gennepep A., van. (1999) *Obrjady perehoda. Sistematicheskoe izuchenie obrjadov* [Rites of passage. Systematic study of rituals]. Moscow: Oriental Literature. 198 p. (In Russian).
4. Efimenkova B.B. (1980) *Severnorrusskaja prichet': Mezhdurech'e Suhony i Juga i verhov'ja Kokshengi (Vologod. Obl.)* [The North Russian prichet: The interfluvium of Sukhona and the South and the upper reaches of the Kokshenga (Vologda Region)]. Moscow: Soviet Composer. 392 p. (In Russian).

Коннотативное значение фразеологизма «красная девица» в свадебном фольклоре Пинежья

5. Kaluzhnikova T.I. (2015) Pragmatika svadebnyh prichitanij srednego Urala [Pragmatics of wedding lamentations of the Middle Urals]. *Traditional culture*. No. 3(59). Pp. 135–148. (In Russian).
6. Larina L.I. (1990) *Terminologija svadebnogo obrjada Kurskogo regiona v jetnolingvisticheskom aspekte* [Terminology of the wedding ceremony of the Kursk region in the ethnolinguistic aspect]. PhD thesis. Voronezh. 19 p. (In Russian).
7. Loput'ko O.P. (2008) “Dobryj molodec” i “krasna devica” [“Good fellow” and “red maiden”]. *Russian speech*. No. 1. Pp. 93–96. (In Russian).
8. Savushkina N.I. (ed.) (1980) *Obrjadovaja poezija Pinezh'ja. Materialy fol'klornyh jekspeditsij MGU v Pinezhskij rajon Arhangel'skoj oblasti (1970–1972 gg.)* [Ceremonial poetry of the Pinezhye region: materials of folklore expeditions of the Moscow State University to the Pinezhsky district of the Arkhangelsk region (1970–1972)]. Moscow: Publishing House of the Moscow State University. 280 p. (In Russian).
9. Ivanov B.Yu., Malkin S.R., Yakushev G.V. (ed.) (2002) *Rossijskij gumanitarnyj jenciklopedicheskij slovar'* [Russian Humanitarian Encyclopedic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Vlados. 720 p. (In Russian).
10. Sorokin Yu.S. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Saint-Petersburg: Nauka. Is. 6: Gnaw – Drevny. 257 p. (In Russian).
11. Sovetov I.M. (2009) Lichnye mestoimenija v tekstoobrazovanii [Personal pronouns in text formation]. *Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU*. No. 2. Pp. 125–129. (In Russian).
12. Shadrina T.S. (2014) «Krasnaja devica v zerkalo gljaditsja» [“The red maiden looks in the mirror”]. *Russian speech*. No. 4. Pp. 109–115. (In Russian).
13. Shuplecova Yu.A. (2008) *Frazeologicheskie edinicy v pesennom fol'klоре Kurganskoj oblasti: strukturno-semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Phraseological units in the song folklore of the Kurgan region: structural-semantic and linguoculturological aspects]. PhD thesis. Chelyabinsk. 23 p. (In Russian).
14. Shuplecova Yu.A. (2009) K osobennostjam var'irovanija frazeologizma «krasnaja devica» v pesennom fol'klоре Zaural'ja [On the peculiarities of the variation of the phraseology “red maiden” in the song folklore of the Trans-Urals]. *The value system of modern society*. No. 5-1. Pp. 157–162. (In Russian).